

VIP-отделение стационара.

В конце тихого коридора стояли трое высоких мужчин. Их выдающаяся внешность и стать заставляли оборачиваться каждого проходящего мимо. Особенно приковывал взгляды тот, что стоял посередине: с лицом красивее, чем у кинозвёзд, он держал в руках огромный букет, сделанный из денежных купюр. Зрелище было, мягко говоря, необычным.

На этом этаже располагались палаты интенсивной терапии, и большинство пациентов здесь всё ещё стояли одной ногой в могиле. Видя равнодушные лица этой троицы, люди невольно задавались вопросом: неужели человек, лежащий в палате, настолько важен для этого красавца с цветами, что тот выглядит таким задумчивым и напряжённым?

Но на самом деле Сун Цинсуй просто ждал.

Они приехали не вовремя: Тан Чжэньпин как раз впал в кому, и его осматривали врачи.

По правде говоря, видеть его или нет, спасти или нет — для Тан Чжэньпина на этом этапе уже не имело никакого значения. Всё сводилось лишь к тому, чтобы заставить его органы функционировать чуть дольше, а угасающее сознание — ещё немного помучиться.

Но когда врач вышел с вопросом, Сун Цинсуй, не дожидаясь, пока Тан Хуай откроет рот, ответил:

— Спасать. Обязательно спасать. Неважно, сколько это будет стоить, сделайте всё, чтобы максимально продлить его жизнь. Это самое главное.

Цзи Чэнь не понял, к чему это. Он-то думал, что Сун Цинсуй будет только счастлив увидеть, как Тан Чжэньпин испустит последний вздох прямо в этой больнице.

Спустя примерно полчаса врач снова вышел из палаты, стянул маску и покачал головой.

Всё было понятно без слов.

Цзи Чэнь, человек крайне тактичный, тут же сказал:

— Я подожду вас у входа. Идите вдвоём.

Тан Хуай скосил взгляд на Сун Цинсюя, негласно спрашивая его мнения.

Вместо ответа Сун Цинсуй просто вложил свою ладонь в руку Тан Хуая, и они плечом к плечу вошли в палату, где жизнь боролась со смертью.

На больничной койке лежал Тан Чжэньпин. Его глаза были полуоткрыты, зрачки уже помутнели, но на лице играл неестественный румянец — последствия недавней реанимации.

Тан Чжэньпин и подумать не мог, что на пороге смерти увидит Тан Хуая. И уж тем более не ожидал увидеть рядом с ним Сун Цинсюя.

Сун Цинсюй сделал шаг вперёд, поставил денежный букет на тумбочку у изголовья, заботливо подоткнул Тан Чжэньпину одеяло и, продемонстрировав своё безупречно красивое лицо, совершенно естественно улыбнулся:

— Дядюшка, давно не виделись. Помните меня? Я Сун Цинсюй.

Глаза Тан Чжэньпина резко распахнулись. Серо-фиолетовые губы приоткрылись и задрожали, словно он пытался что-то сказать. Но контроль над мышцами уже покидал его, и из горла вырвались лишь бессмысленные звуки, похожие на лепет младенца.

В этот момент Сун Цинсюй вдруг осознал, что тот властный, пугающий Тан Чжэньпин, та огромная гора, годами давившая на его сердце, с грохотом рухнула.

Перед лицом смерти даже такой отвратительный человек выглядел по-своему жалко.

В улыбке Сун Цинсюя появилось чуть больше сострадания. Искреннего, неподдельного сострадания.

— Вчера, когда мы решили вас навестить, я всё думал, что бы вам подарить. Думал-думал и решил, что лучше всего подарить деньги. В конце концов, деньги вы любите больше всего. Настолько, что ради них были готовы использовать родного сына.

— А! Ы-ы!! — дыхание Тан Чжэньпина сбилось, глаза едва не вылезли из орбит. Он умоляюще уставился на Тан Хуая, надеясь, что сын утащит этого юнца прочь от его койки.

Но даже в эту секунду в нём не проснулось предсмертное благоразумие. Он чувствовал лишь глубочайшую, жгучую зависть.

Он завидовал их молодости. Завидовал тому, что их жизни только начинаются. А больше всего завидовал тому, что они, судя по всему, жили превосходно. Столько купюр ушло на один этот букет, а на их лицах не было ни капли сожаления о потраченных средствах! Это был тот самый статус, к которому он так отчаянно стремился всю свою никчёмную жизнь, но так и не смог приблизиться даже к его порогу.

Из помутневших глаз бесконтрольно покатились слёзы. Его мучения были очевидны.

— Наверное, мне не стоит вам этого говорить, — продолжил Сун Цинсюй, — но вы всё-таки дали Тан Хуаю жизнь, вы — часть того, кто он есть. Поэтому, пожалуйста, слушайте внимательно.

— Мы с Тан Хуаем снова встретились и снова вместе. Я безумно его люблю, а он безумно любит меня. Мы очень счастливы. Спасибо вам за то, что тогда заявили в школу и устроили скандал. И спасибо, что бросили Тан Хуая на произвол судьбы. Если бы не вы, он бы не любил меня так сильно, и я бы не любил его так сильно. Вы сами подтолкнули нас друг к другу.

Сун Цинсюй произносил слово за словом, словно дьявол, шепчущий на ухо. Он собственными руками разбивал и свой давний кошмар, и старые раны Тан Хуая. С этой минуты, он был уверен, их с Тан Хуаем путь будет ровным и светлым.

С того момента, как они вошли в палату, Тан Хуай не сводил глаз с Сун Цинсюя. Он смотрел, как тот обнажает самую мстительную сторону человеческой натуры.

Безупречный Сун Цинсюй наконец-то показал свою тёмную сторону. Но Тан Хуай не только не разочаровался — наоборот, внутри у него всё затрепетало от возбуждения. Чувство, что этот человек теперь принадлежит ему, стало ещё более реальным.

Тан Хуай наконец перевёл взгляд на Тан Чжэньпина и чеканя каждое слово произнёс:

— Пап, компания мамы два года назад вышла на биржу. В этом году её рыночная стоимость выросла в пять раз. Мама теперь одна из самых известных предпринимательниц, и сейчас за ней ухаживает один швейцарский аристократ. У нас всё просто отлично. Можешь закрывать глаза спокойно.

У Тан Чжэньпина глаза чуть на лоб не вылезли.

Услышав это, Сун Цинсюй всё-таки не выдержал и рассмеялся. Повернувшись, он потянул Тан Хуая за воротник и поцеловал в подбородок.

— Раз ты так меня называешь, мне тоже пора менять обращение и звать её мамой? — хитро моргнув, спросил он.

Глубокий, тёмный взгляд Тан Хуая остановился на лице Сун Цинсюя. Та тяжёлая, мрачная тень, что скрывалась в его глазах, растворилась без остатка.

Сун Цинсюй улыбнулся:

— Хотя нет, лучше подожду до нашей свадьбы. А то это будет нечестно по отношению к твоей маме.

Тан Хуай поцеловал Сун Цинсюя в красивые глаза:

— Как скажешь. Всё будет по-твоему.

В ту секунду, когда Сун Цинсюй прикрыл глаза от поцелуя, тишину палаты разорвал пронзительный, непрерывный писк кардиомонитора.

Тан Хуай закрыл глаза Сун Цинсюя ладонью, чтобы тот не видел этой грязи, подхватил его на руки, как коалу, и, не оборачиваясь, вышел из палаты.

Стоявший на тумбочке букет из денег вдруг накренился. Почти сотня купюр рассыпалась, кружась в воздухе над койкой. Одна из бумажек, плавно покачиваясь, почти опустилась на безжизненную, посеревшую руку, но в самый последний момент, подхваченная сквозняком, сменила направление и упала мимо.

Этот человек, вместе со всей его алчностью и безумным эгоизмом, был официально объявлен мёртвым.

Организацией похорон Тан Чжэньпина занимались специально нанятые люди, так что Тан Хуаю не пришлось об этом беспокоиться. Сведив Сун Цинсюя поужинать, он вместе с ним и Цзи Чэнем отправился напрямик в аэропорт.

Сюда Сун Цинсюй летел в полном одиночестве, а обратно возвращался в компании двоих. От этого он был в непривычно приподнятом настроении и, усевшись в кресло самолёта, никак не мог усидеть спокойно.

Он то трогал одно, то крутил другое, а когда устал — привалился плечом к Тан Хуаю и стал смотреть, как тот играет в оффлайн-игрушку на телефоне.

Только во второй половине полёта Сун Цинсюй окончательно притих.

Увидев, что он откинул голову на подголовник, Тан Хуай решил, что тот уснул, и уже хотел попросить у стюардессы плед, как вдруг услышал тихий вопрос:

— А когда ты вернулся в Шанхай?

Тан Хуай на секунду замер и негромко ответил:

— Как только очнулся, уже был в Шанхае. В тот день мама как раз приехала меня забрать.

Сердце Сун Цинсюя дрогнуло. Выходит, они с Тан Хуаем приехали в город S почти

одновременно и так же одновременно из него уехали.

Сун Цинсюй не открывал глаз — не хотел, чтобы Тан Хуай видел, как те повлажнели от щемящей боли в груди. Стараясь, чтобы голос звучал ровно, он спросил:

— И ты меня искал?

Вспомнив то снежное Рождество, Тан Хуай почувствовал, как в горле пересохло, словно туда сунули раскалённое железо.

Он опустил ресницы, пряча тяжёлый взгляд, и ответил так мягко, как только мог:

— Это было как искать иголку в стоге сена. Я пробовал, но без особых успехов. Пока не наткнулся на твой стрим.

Сун Цинсюй тихо усмехнулся:

— Тот челлендж мне тяжело дался. Хорошо хоть всё получилось.

— Мгм, — отозвался Тан Хуай. — Я знал, что у тебя всё получится.

— И как долго ты смотрел мои стримы?

Вместо ответа Тан Хуай открыл на телефоне стриминговое приложение. Он всё ещё был залогинен со своего личного аккаунта.

На экране было видно: в подписках всего один стример. Стаж фаната — 2,8 года.

Сун Цинсюй ошеломлённо уставился на него.

Это означало, что Тан Хуай следил за ним с самого начала. Даже раньше, чем Сун Цинсюй запустил челлендж «Взять топ-1 корейского сервера».

— Тогда почему ты не пришёл ко мне? — в голосе Сун Цинсюя прорезалась спешка. — Как у тебя вообще хватило выдержки? Если бы не это трансферное окно, ты бы так и скучал по мне издалека?

На губах Тан Хуая появилась горькая усмешка.

Разве могло ему хватать выдержки? Но куда важнее было другое: тогда в глазах Сун Цинсюя

он увидел амбиции. Он понял, чего именно тот хочет.

Тан Хуай не мог допустить, чтобы после долгожданного воссоединения им пришлось бы снова расстаться из-за пропасти между профессиональным игроком и обычным человеком.

Поэтому, как только Сун Цинсуй начал стримить, Тан Хуай снова взялся за League of Legends. Он прошёл путь от китайского сервера до корейского, от Мастера до топ-10. Ему никогда не было достаточно просто зависимости и влюблённости Сун Цинсюя. Он хотел, чтобы их жизни совпали полностью, без единого зазора. Только так он мог компенсировать ту отчаянную ночь, когда лежал на кровати и в кровь разгрызал верёвки.

В ту ночь он твёрдо понял: он никогда не расстанется с Сун Цинсуйем.

Спокойным тоном Тан Хуай озвучил свой изначальный план:

— Если бы с Чжоу Цзином ничего не случилось, я бы пошёл к вам запасным. И в один прекрасный день я бы обошёл его и стал тем самым AD-керри, который стоял бы рядом с тобой.

Он легко улыбнулся.

— На самом деле, не так уж у меня и хватало выдержки. Как только я понял, что моего скилла хватит для про-сцены, я подал заявку в академию WS. Просто меня не взяли.

Сун Цинсуй лишился дара речи. Ему хотелось сказать, что он сам не отличается особым терпением, поэтому не может до конца понять выбор Тан Хуая, но сердце всё равно сжималось от боли за него.

А в следующее мгновение он вдруг вспомнил, как сам ради победы целый год терпел пренебрежение в WS, как раз за разом жертвовал собой в игре. В те моменты это казалось ему абсолютно естественным, он даже не чувствовал дискомфорта.

Ему было всё равно. Он считал, что ради победы можно стерпеть всё.

И по правде говоря, если бы после чемпионата мира Чжоу Цзин не оказался неблагодарной тварью и не укусил руку, которая его кормила, Сун Цинсуй, вероятно, продолжал бы терпеть ещё очень долго.

В эту секунду к Сун Цинсую пришло озарение: вот почему их с Тан Хуаем тогда так потянуло друг к другу. В глубине души они были абсолютно одинаковыми.

Такими разными, но такими похожими.

Сун Цинсюй поудобнее устроился на плече Тан Хуая и медленно закрыл глаза.

— Люби меня всегда, — тихо сказал Тан Хуай. — Я не предатель. Я никогда тебя не подведу.

Сун Цинсюй уже открыл рот, чтобы согласиться, как вдруг в душе шевельнулось странное чувство. Где-то он уже слышал эту фразу?

.

После приземления Цзи Чэню нужно было лететь с пересадкой в город G по семейным делам, поэтому они попрощались прямо в аэропорту.

Цзи Чэнь махнул им рукой:

— Выходите в финал! Я приеду поболеть за вас вживую. Арендую какой-нибудь огромный экран на улице, или типа того.

— Для WS арендуешь? — уточнил Тан Хуай.

— Ну а для кого же ещё? — фыркнул Цзи Чэнь. — Не для вас же двоих персонально.

Тан Хуай явно расстроился, но, ради командной гармонии, пошёл на компромисс:

— Ладно, бери на всех пятерых. Только бери тот огромный, на набережной Хуанпу. Чтоб солидно было.

Когда Цзи Чэнь ушёл, Сун Цинсюй толкнул Тан Хуая плечом, и тот тут же обнял его за талию. Сун Цинсюю стало щекотно, и он со смехом спросил:

— Тебе что, хотелось экран только для нас двоих?

— А тебе разве нет? — парировал Тан Хуай.

— Если выйдем в финал, я сам тебе его арендую.